

Сергей
Александрович
СПОЛОХ

Обе главные водные артерии Области войска Донского – река Дон и ее приток Северский Донец – в годы Гражданской войны не однажды разделяли противоборствующие стороны, и на их берегах разгорались бои.

Дивизии и полки красных и белых войск по несколько раз преодолевали водные препятствия с севера на юг и с юга на север. Также не один раз водная гладь знаменитых рек представляла из себя нейтральные полосы, и на их берегах шла настоящая фронтовая жизнь со всеми её особенностями.

Как в тот период воевали гундоровские казаки в юрте своей родной станицы, рассказывается в главах книги нашего земляка, писателя и краеведа Сергея Сполоха. Читайте!

И стал Донец нейтральной полосой

Весной 1919 года половодье рек на донских просторах сопровождалось ещё одним явлением, причём отнюдь не природного свойства – масштабным вступлением войск Красной армии в пределы Области войска Донского.

Красное половодье для казаков оказалось куда опаснее, чем обычный разлив рек. Что река? Заполнит водой все прибрежные заросли, зальёт улочки станиц и хуторов, нанесёт бурелома на луга, промоет залившиеся старицы и по многолетнему заведённому порядку снова войдёт в своё привычное русло. Подсчитают казаки потери и убытки, погорюют над свалившимися на их головы бедами и до следующего раза успокоятся. Но что поделать? Так было и до них, и последующим поколениям, возможно, выпадет такая же участь.

Красное же половодье не только перекрасило карты в боевых штабах, но оно ещё и проникло неуходимым страхом в души казаков, особенно тех, которые не отправились в отступление ранней весной 1919 года на юг донской области и остались в своих домах. Приходилось ждать неведомо чего, и одно только подмечали – как начинала вести себя новая власть. Она ничего и никого ждать не стала, а развернулась жёстко и круто, чтобы ни у кого не возникло сомнений в её решительности.

В штаб Донского Гундоровского Георгиевского полка была доставлена разведывательная сводка. На этот раз в ней говорилось не о расположении войск и возможных намерениях противника. Речь шла совсем о другом:

«По полученным документам установлено, что командирам частей и комиссарам приказано при занятии населённых пунктов предписывать проживающим в них в течение 24 часов сдавать всё имеющееся на руках оружие и боевые припасы, расстреливая тех, у кого таковые будут найдены по истечении указанного срока.»

При занятии станиц предписано везде устанавливать советскую власть. Причём никакая выборность при организации власти в казачьих районах не допускается. Власть же назначается военными властями, взявшими местность. Главная задача хуторских и станичных исполкомов – обезвредить казачество путём беспощадного истребления верхов его.

Безусловному истреблению подлежат окружные и станичные атаманы. Хуторских же атаманов расстреливают, если будет установлено, что они активно поддерживали политику Краснова.

Деньги, выпущенные Красновым,



Река Северский Донец.

не принимаются. Устанавливается норма потребления хлеба. Реквизируется весь излишек. Торговля упраздняется. Земля обрабатывается на прежних основаниях, но предлагается поддерживать организацию коллективных форм ведения хозяйства.

Предписывается обеспечить целесообразное взыскание контрибуции с богатых элементов и подготовить вселение крестьянского и рабочего элемента в станицы. Учреждённым военно-революционным трибуналам дано распоряжение руководствоваться в своей работе интересами социалистической республики, истребив всё, что стоит на пути развития пролетарской революции и укрепления советской власти.»

Сводку читали по несколько раз. Вроде всё было понятно. Тут же вспомнили, что по таким распоряжениям никому из казачьей верхушки станицы Гундоровской и её хуторов уцелеть не удастся. Все они участвовали в восстании весной 1918 года, все поддержали политику атамана Краснова, и почти у всех родные были на фронте.

Сам фронт придвинулся к станице Гундоровской вплотную в конце зимы 1919 года. Красным войскам не удалось форсировать Северский Донец с ходу, а о том, чтобы это сделать напротив станицы Гундоровской, и речи быть не могло. Высокие холмы, протянувшиеся вдоль правого берега реки, давали возможность организовать непрерывное наблюдение за противником и при совсем небольших усилиях, пользуясь господствующим положением на местности, организовать грамотную оборону. Что и было сделано.

Испокон века значительная часть хуторов станицы Гундоровской были расположены на левом берегу Север-

ского Донца. Хутора Грачики, Кочетовка, Караичев, Михайловский, Платин, Старая Станица и Уляшкин в конце зимы 1919 года оказались занятыми красными войсками. Казаки горько шутили: юрт станичный один, а власть на одном берегу одна, а на противоположном – другая. Но вот что было одинаковое, так это режим прифронтовой полосы. У красных он был установлен особо строгим приказом, подписанным командиром боевого участка и военно-политическим комиссаром.

В хуторе Михайловском на доске у бывшего хуторского правления был прикреплен приказ, отпечатанный большим шрифтом на грубой афишной бумаге.

«1. Всем совершеннолетним лицам мужского пола пройти регистрацию в указанном местным советом месте.»

2. Воспретить выезд кому бы то ни было в места, ближайшие к фронту совершенно, а в тыл – без особого разрешения ближайшего военного начальника.»

3. Мирному населению, не служащему в рядах Красной армии, всё имеющееся оружие, а также сёдла в течение 24 часов с момента опубликования настоящего приказа сдать под расписку местным советам.

Несдавшие оружие будут расстреляны.»

4. Всё население отвечает за порчу телефонных и телеграфных проводов. Захваченные на месте преступления будут расстреляны.»

5. Всех укрывающих у себя агентов и шпионов, прибывающих со стороны неприятеля, арестовывать и расстреливать, а принадлежащее им имущество конфисковывать.»

6. Добывание и продажу спирта вос-

претить. Делających или продающих крепкие напитки расстреливать как врагов народа, разлагающих армию.»

Хуторские деды, немного осмелевшие только через день после вступления красных войск, по привычке потянулись к бывшему правлению, чтобы узнать новости, и, увидев большой лист бумаги с печатным текстом, сразу поняли, что именно в нём эти главные новости и содержатся. Старый казак Григорий Ульянович Закотнов, бывший когда-то хуторским писарем и не утративший остроты зрения, по просьбе собравшихся прочитал приказ несколько раз для лучшего понимания. Друг и сосед Закотнова – дед Фома Малов уточнил:

- Ты всё правильно огласил?

Бывший писарь обиженно отозвался:

- Слово в слово. Только вот не пересчитал, сколько раз слово «расстрел» повторяется.

Потом ещё раз пробежав глазами грозный приказ, подтвердил:

- Целых четыре раза упоминается расстреляние, причём и за то, что гонят и продают спиртные напитки, то бишь дымку, по-нашему самогон.

- Григорий Ульяныч! Так это же половину хутора Михайловского и всех других окрестных расстрелять полагаются. Водки-то казённой уже шесть лет никто не видел.

Дед Фома мечтательно прикрыл глаза и, видно, вспомнил, какой она была, та самая николаевская, казённая, любовно называвшаяся гордой, водка. Увы! Всё это было в прошлом, а тут и простой самогонки лишиться могут. Что для интереса к жизни останется?

Загомонили старики:

- Что там питейные дела? Нам нет радости по какому-то поводу пить, разве что на поминах. Но неужто к одним упокоившимся других добавят? Как-то не по-христиански это!

- Об чём ты вспомнил? В каменском юрте заложников взяли за поваленные столбы, а их то ли ветер повалил, то ли сами от ветхости упали. Сколько лет уже ничего не ремонтируют, только разрушают.

Услышав последние, крайне неприятные, по его мнению, слова, из правления к старикам вышел штабной красноармеец. Видный из себя, но совсем не с казачьим обликом, белолицый и беловолосый. На голове – очень уместный по ветреной весенней погоде суконный шлем.

- Прочитали – и по домам. Сдавайте, у кого что есть: оружие, амуницию и прочее. Двадцать четыре часа уже прошло, и сейчас с обходом пойдём по вашему селу.